

Глава 17

«О времена! О нравы!»

В этой книге, как видит читатель, я пишу об истории предательства: перестройки, общественного строя, государства, людских надежд. Когда начинаешь большое дело, когда ты уверен в его благе, когда тебе ясна цель, к которой ты стремишься сам и ведешь людей, самое страшное — предательство. Слово очень громкое. Мы привыкли вкладывать в него глубочайший смысл и относить, главным образом, к тем поступкам, которые влекут за собой последствия, катастрофические для государства, общества, человека. Впрочем, одна из особенностей нашего богатейшего русского языка в том, что он позволяет даже очень громкие понятия применять не к самым громким и масштабным делам.

Великое предательство эпохи перестройки, впрочем, как и всегда, складывалось из множества малых, которые иногда и предательством трудно назвать. Стремление к популизму. Уступка авторитету. Блуд политический и идеологический. Обыкновенное русское «авось». Корректировка. Поправка. Замена задуманного на удобное... Но снежный-то ком из снежинок лепится. А потом катится с горы, силы сцепления не выдерживают — он и разваливается. «Закон снежного кома». В конечном же счете предатель, по Далю, характеризуется как изменник, вероломник, крамольник, лукавый и облыжный человек, душепродавец. Старые слова, но насколько они верны для характеристики современного предательства и предателей!

Уже десять лет, как революционный «процесс пошел». Прозвучали разные речи, давались различные оценки своими и особенно зарубежными политологами. Но главную оценку должен дать народ, ведь перестройка задумывалась и проводилась для него и во имя него.

Недавно я вернулся из продолжительной поездки по стране. Производственная жизнь замирает, людей выбрасывают за ворота, все ринулись, как в гражданскую войну, в торговлю и в перепродажу. С периодом мировой «великой депрессии» я знаком только по литературе. Это было шестьдесят лет назад в Америке и Западной Европе. Нечто похожее происходит и у нас. Торговля стала меновой, заводы расплачиваются друг с другом своей продукцией. На дорогах России и Украины можно сразу увидеть, какую продукцию выпускают здешние заводы: на обочинах стоят рабочие с телевизорами, графинами, люстрами, кастрюлями, запасными частями для машин и т. д. Инфляция сопровождается, как и в те годы, совершенно чудовищным обогащением дельцов и резким обнищанием большей части населения. Одни голодают, другие безумно сорят деньгами. Рухают моральные устои общества.

В этой ситуации мне необходимо дать себе и читателям ответ на вопрос: а вообще нужна ли была перестройка? Во вступлении к этой книге-исповеди, книге размышлений я процитировал последнее мое официальное выступление в качестве главы Правительства. Я сказал тогда, в самом конце 1990 года, что перестройку в том виде, в каком она замышлялась, осуществить не удалось. И, как потом оказалось, до конца ее жизни оставался только год.

Да, в том виде, в каком перестройка была задумана, она не осуществилась, ибо была предана. Ее идея родилась потому, что ситуация во второй половине 70-х и начале 80-х годов требовала кардинальных изменений, и в первую очередь — в экономике. Ветер грядущих перемен настойчиво стучался в окно. Не улавливать его дуновения означало согласиться с теми, кому не нужны были никакие изменения, никакие реформы, даже объективно неизбежные.

Давайте перенесемся в 85 год. Подавляющее большинство народа поддерживало перестройку, верило в ее идеи. Она была воспринята людьми, как надежда на лучшую жизнь.

На мой взгляд, а об этом я долго думал, перестройка официально продолжалась шесть лет — с 1985 до 1991 года. Предтечей перестройки, как я уже писал, были 83—84 годы андроповских шагов в области экономической реформы. Но официально — шесть лет. Эти годы перестройки я бы разбил на три этапа:

первый этап — 85—87 годы — взлет перестройки, всеобщая эйфория от надежд на немедленные перемены;

второй этап — 88—89 годы — отрезвление от ее грез и разочарование из-за долговременности достижений поставленных целей и задач;

третий, последний этап — 90—91 годы — агония и смерть перестройки.

Это мои мысли, мой личный анализ. И вполне возможно, что не все согласятся с ним.

Август 91-го ускорил смерть перестройки, подчеркиваю — ускорил. А в Беловежской пуще была вообще поставлена точка в истории не только нашего единого государства, но и перестройки, уже полумертвой к тому времени.

Работая четыре года назад над книгой «Перестройка: история предательства», я, естественно, задавал себе вопрос — почему же не удалась перестройка? Ошибки ли это из-за отсутствия какого-либо опыта в области демократических перемен или целенаправленные действия ее лидера? Мне потребовалось три первых года перестройки, чтобы я осознал: Горбачев взялся не за свое дело. Личные его качества и жизненный опыт не давали ему возможность успешно руководить великой державой на переломном этапе ее развития. Теперь он говорит, что знал (сам потом признался), чем перестройка кончится. Но тогда он, дескать, не мог сказать все открытым текстом, так как некоторые члены Политбюро и секретари ЦК, к числу которых отношу и себя, не позволили бы свершить того, что он сделал со страной. Если так — ему нет и никогда не будет прощения. Он будет новым Каином во веки веков. Можно простить ошибки, но нельзя простить преднамеренное предательство.

В этом и заключается весь трагизм тех людей, которые были в то время в руководстве страны и партии. Поддавшись демагогическим речам лидера, поверив в идеи перестройки, они все время находились в неведомой, закулисной атмосфере Большого предательства. К тому же наша близорукость порождалась пониманием того, что перестроечное время, время реформ объективно связано с огромными трудностями.

Я уже цитировал слова из последнего моего выступления. Добавлю: в нем говорилось также, что я тоже несу ответственность за неудачу перестройки в том виде, в каком она задумывалась. Основной своей ошибкой считаю то, что я, как и многие другие, долго и искренне верил в лидера перестройки, а когда стало ясно, что его действия были далеки от ее идей, не потребовал его немедленного удаления

от власти в государстве и партии. В этом наша вина и наша трагедия. Думаю, что и нынче немало приверженцев Ельцина, видя крушение их надежд, тоже серьезно анализируют свое поведение.

В этой главе я решил остановиться только на некоторых принципиальных вопросах, связанных с предательством перестройки, точнее сказать — с цепью предательств. К числу основных из них, на мой взгляд, относится фактическая подготовка смены общественного строя, проходившая под дымовой завесой многочисленных клятв в верности социализму. Одна из них уже приводилась. Я хочу напомнить читателю, что в приведенных в этой книге семи постулатах перестройки говорилось о «приведении в действие всего потенциала социализма... придании социализму самых современных форм». Так что, казалось бы, по поводу сохранения общественного строя и его совершенствования, а не уничтожения, была полная ясность.

Современная цивилизация представлена сейчас в основном двумя общественно-экономическими формациями: капитализмом и социализмом в их различных модификациях. Бытуют и представления о якобы новых формациях — «индустриальной», «постиндустриальной», «технотронной» и т. д. Но все это, строго говоря, прикрывает коренные особенности того или иного строя. А если судить именно по ним, а не по односторонне взятым признакам, то на деле мы видим все те же модификации капитализма или различные формы общества, построенного на социалистических началах. По-видимому, можно говорить и о некоем симбиозе капиталистических и социалистических элементов с различной степенью преобладания первых или вторых, но, на мой взгляд, пока историческая практика дает слишком мало материала для серьезных выводов о жизнеспособности подобных форм и характере их развития.

Что же касается нашей страны, то нынешние оценки ее прошлого, социально-экономической природы строя, существовавшего в СССР, полностью определяются политическими целями «демократов» и их методами обработки общественного мнения. Советский период они подают только в черном цвете, характеризуют его лишь как «тоталитарный», говорят о «коммунистическом идоле» и т. д. Все это рассчитано на то, чтобы, прежде всего, новые поколения не знали подлинной истории Родины, не представляли себе особенностей и преимуществ социалистического устройства

общества, не стремились к образу жизни, принципиально отличному от того, который им сейчас навязывают.

Добавьте к этому и расчет «демократических» комбинаторов и их подпевал на то, что, сконцентрировав эмоции общества на его во многом оболганном прошлом, они отвлекут внимание от собственных провалов и преступлений. И делают все это, поганя собственную Родину и свой народ, не бывшие соотечественники, которые в силу тех или иных обстоятельств оказались за рубежом, а еще живущие здесь, которых воспитала Советская власть, дала им образование. Многие из них достигли больших высот, особенно партийных. Но о своей доле ответственности за ход событий в прошлом, если уж говорить о нем, они предпочитают, как правило, не вспоминать или делают это в самой обтекаемой форме.

Да, в нашей новейшей истории, как я уже говорил, было все. И конкретные лица из числа, прежде всего, коммунистов тех поколений несут на себе груз морально-политической ответственности за прошлое. Но ведь были и большие, огромные достижения и заслуги этих поколений. Жизнь была проникнута высочайшими стремлениями и творческим порывом, даже самопожертвованием. За считанные десятилетия страна превратилась в мощную сверхдержаву. Никогда не надо забывать, кто уничтожил фашизм. Как сказал Константин Симонов, было великое, было и страшное. И история, думаю, запомнит и отметит, прежде всего, именно великое и придет к выводу, что все же оно преобладало.

История советского социализма сложна и противоречива. То, что было исторически необходимо для первого этапа его построения, стало неприемлемым на втором. И вот на этом-то этапе наш социализм не справился со своей главной задачей — всесторонней демократизацией общества. В стране сложилась авторитарно-бюрократическая система — и прогрессивный общественный строй был ею дискредитирован. Идея качественного обновления социализма в ходе перестройки была использована постперестроечными силами для его ликвидации. Народ же позволил растоптать свою относительно обеспеченную жизнь, поверив новоявленным лидерам, присвоившим себе наименование «демократов». Это особенно остро я почувствовал во время кампании по выборам президента в 91 году. Трезвые голоса тонули в воплях демагогов. И понадобилось вселенское унижение страны и народа, правовой беспредел властей, кровь, лью-

щаяся по их вине в разных концах Отечества, чтобы люди начали понимать суть вещей и, надеюсь, вспоминать, в частности, предостережения Рыжкова.

Занимаясь вплотную общей экономикой, я считал базой всей перестройки переход от «государственного» социализма к новому, демократическому социализму. Горбачев же подводил страну, а Ельцин с Гайдаром и К^о подвели ее к капитализму, причем к капитализму дикому. То, куда они нас всех тащат, это строй, свойственный полукOLONиальной стране, с большим иностранным влиянием, преимущественным развитием сырьевых и свертыванием обрабатывающих отраслей промышленности. Такова наша сегодняшняя действительность. Вот это и является главным предательством обоих лидеров: перестройки — Горбачева и постперестройки — Ельцина.

Крушение социалистического строя в нашей стране не могло не сказаться на всей сложившейся в послевоенный период социалистической системе. Многие лидеры входивших в нее стран еще в зените перестройки выражали серьезную тревогу и озабоченность результатами перестроечных процессов. Однако вершители внешнеполитических дел Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе расценивали их опасения как догматизм мышления старых руководителей. Что произошло в этих странах в 89—90 годах, — известно.

Никогда не забуду шифровку от нашего посла в Праге. В ней он сообщал о настроениях в высшем партийном и государственном эшелоне руководителей тогдашней Чехословакии. Они с горечью говорили, что их предали. Некоторые из них добровольно ушли из жизни. Да только ли страны Восточной Европы были брошены на произвол судьбы? А Куба? О предательстве в отношении этой страны с большим апломбом и удовлетворением говорит в своих воспоминаниях стодневный министр иностранных дел СССР Панкин. А личные предательства своих вчерашних друзей, с которыми целовались при встречах и расставаниях? Вспомните трагедию Эрика Хонеккера. Смертельно больного человека практически насильно выдворили из нашей страны в тюрьму к «лучшему другу» Колю. Слава Богу, что хотя бы у немцев хватило благоразумия и гуманности в конце концов отпустить этого человека умирать в Чили.

В предыдущей главе я затронул проблему нравственности в политике. Мои размышления касались политических и государственных деятелей. Но особую тревогу и даже недоумение у меня вызывала и вызывает позиция части твор-

ческой интеллигенции в последние годы. Считаю долгом высказать свое отношение к ее нравственности, а если уж быть до конца откровенным — безнравственности, предательской позиции. Казалось бы, именно она в первую очередь испытала на себе власть одного человека и одного органа, и неудивительно, что интеллигенция приветствовала «свежий ветер перемен». Гражданская позиция многих из ее представителей легла в основу преобразований второй половины 80-х годов. Но после развала страны и «шоковых» реформ наступило глухое молчание. А ведь она всегда чутко улавливала изменения в настроениях народа, формировала общественное мнение, остро реагировала на многие политические события в стране. И вдруг — тишина.

Плотины молчания была разрушена в дни подготовки к апрельскому референдуму 93 года. Голос части российской интеллигенции наконец-то прорезался. Но прозвучал так, что невольно вызвал тяжкие воспоминания о теперь уже далеком времени. Из новейшей истории известно, какую позицию занимала некоторая часть интеллигенции в 30-х годах. Властям крайне нужна была ее поддержка, и они ее получили. Так было, и из истории этого не выбросишь, хотя многим хотелось бы забыть то время, вычеркнуть его из своей жизни.

В «Современнике» идет пьеса по книге Евгении Гинзбург. В фойе театра для того, чтобы зритель сразу вошел в атмосферу того времени, вывешены пожелтевшие газеты 37—38 годов. Под гневными письмами с требованием самого жесткого наказания стоят подписи тех, на чьих книгах воспитывалось мое поколение, чьи картины и скульптуры, кинофильмы и пьесы формировали его мировоззрение. Тяжело было видеть знакомые фамилии. Тяжело было думать, что эти люди или жили двойной моралью, или у них не хватило смелости, чтобы не подписывать их, уж если они не могли протестовать. Ведь русский человек, как правило, ставит знак равенства между внутренним миром артиста и идеалом, который он воплощает в своем творчестве. В сознании, в памяти народной сливаются воедино актер и его герой. И горько расставаться с дорогими сердцу иллюзиями.

Но, справедливо скажут те, кто все это пережил, тогда было время жесточайшей диктатуры, тотального страха и ужаса перед тупой мощью репрессивного аппарата, пожиравшего одну жертву за другой. Что ж, это можно, по крайней мере, понять. Но как понять происходящее сегодня?

Накануне апрельского референдума в Бетховенском зале Большого театра, как известно, состоялась «волнующая встреча лучших представителей нашей творческой интеллигенции» с господином Президентом. Чего мы только не наслушались! Выкрики: «крепче», «круче с ними», «канделябрами их» были самыми безобидными в устах впавших в экстаз ведущих «мастеров культуры». Их бешеная злоба — с одной стороны, и неприкрытое холуйство — с другой, поразили и вызвали чувство омерзения — я знаю это из многих встреч с самыми разными людьми — у миллионов телезрителей. Хотелось думать, что это была лишь искусная игра больших мастеров. Но ведь они понимали, что это не то время, когда надо сыграть роль. Это был момент, когда надо было стать самим собой. И они стали! Такого неприкрытого «холужа», как сказал патриарх-драматург Виктор Сергеевич Розов, наше поколение уже и не помнит. Они духовно ограбили всех, кто им верил. Но они духовно ограбили и себя. Право же, думая об этом, невольно воскликнешь вслед за Цицероном: «О времена! О нравы!»

Не буду перечислять когда-то уважаемые и любимые имена, а скажу лишь, что своим убогим политическим и нравственным обликом, так неожиданно проявившимся не только в тот день, но и вообще в новых условиях, они зачеркнули в душах людей и свои прошлые творческие достижения. Теперь у старых фильмов и спектаклей будет намного меньше зрителей, а у книг — читателей. И, к слову, та же тенденция наблюдается в отношениях журналистов и их аудитории: нередко люди не подписываются на газету или переключают теле- и радиоприемники на другие программы только из-за естественного чувства гадливости, вызываемого теми, кто сделал циничную и постоянную ложь своей жизненной и профессиональной позицией.

И вот что поразительно: по моим наблюдениям, никто, повторяю — никто(!) из деятелей, занимающих такую позицию не создал в эти годы ни одного, повторяю — ни одного(!) сколько-нибудь значительного произведения. Вот она — расплата за политический кретинизм и человеческую продажность. Так что культура гибнет не только из-за финансовой, но и из-за собственной интеллектуальной и духовной нищеты некоторых деятелей искусства и литературы.

И еще: деятели культуры в своем верноподданничестве забыли не только нужды народа, но и насущные проблемы самой интеллигенции. Распадается наука, академики выхо-

дят на площади с плакатами. Книжные лотки забиты низкопробной литературой, классики забыты, а современные писатели влачат жалкое существование. Театры стоят на паперти с протянутой рукой. Идет тотальное растрение душ человеческих. Надо ли продолжать? Интеллигенция люмпенизируется, и некогда ироническое «пролетарии умственного труда, соединяйтесь!» становится насущнейшей задачей.

В те же памятные дни в прессе был опубликован список двадцати девяти известных представителей интеллигенции, которым доверялось «нести в массы» поддержку действий нынешних властей. Я сначала посчитал это каким-то недоразумением, чуть ли не клеветой на честных людей. Но иллюзии быстро развеялись. Как по команде, на экранах появились суетливые персоны из этого списка. А рязановский «ужин на кухне Президента» вошел в «сокровищницу» отечественной телепублицистики. И это — один из самых талантливых и до недавнего времени авторитетных деятелей культуры.

Конечно, дело каждого выбирать свой путь, но если ты — «соль общества», ты не имеешь права быть глухим к боли народа, к тяжкому недугу своей Отчизны. Увы, в теперешнем голосе политически активной части творческой интеллигенции эта тема не звучит. А ведь подлинная интеллигенция не приемлет ни лжи, ни тем более лизоблюдства. Она призвана говорить правду своему народу и правду о своем народе, думать о его духовном благополучии. А Иисус Христос, на авторитет которого сейчас ссылаются и правые, и левые политики, говорил: «...бойтесь убивающих душу».

И призывы к закручиванию гаек были услышаны. «Кровавая суббота» 1 мая и расстрельный «кровавый понедельник» 4 октября 93 года не заставили себя долго ждать. Он может сравниться разве что только с тем, что произошло почти век назад — «Кровавым воскресеньем» 9 января 1905 года. И многие из интеллигентов несут за это моральную ответственность. Как же надо ненавидеть свой народ, чтобы и после этого подписать один из самых потрясающих документов, так называемое письмо 42-х! Из Белого дома еще не вынесены трупы, а «писатели требуют от Правительства решительных действий». Выражения из арсенала времен «бряцанья оружием» выглядят детским лепетом на фоне этого улично-бандитского языка. Они откровенно требовали крови! А подписанты кто?! Все это так напоминает

недалекое прошлое с письмами — осуждениями Б. Пастернака, А. Сахарова, А. Солженицына и др. Это что же, традиции русской интеллигенции?!

Передовые люди дореволюционной России в ответ на подобные действия властей уходили из университетов, отказывались от почетных званий. Для них понятие справедливости было неразрывно связано с чувством достоинства, независимости, стойкости убеждений. А ведь многие из нынешних носят звания «народных». Вот такой парадокс: все старое разрушено, интересы народа преданы — а звания остались старые.

Пусть правильно поймут меня читатели: не все в те дни занимали такую позицию, и не все так мыслят. Но, к сожалению, их трезвые голоса тонут в хоре верноподданических. Может быть, хоть сейчас, после расстрела парламента, после кровавой войны в Чечне наступит отрезвление? Фальшь обещаний властей становится все более очевидной даже для бывших властителей дум и «инженеров человеческих душ»: не сбылся ни один(!) из оптимистических прогнозов Президента и Правительства.

Я ждал все время, что раздастся могучий голос русской, российской интеллигенции: довольно, хватит! Остановитесь! Нет, российская интеллигенция в целом не выполнила свой долг. И это останется темным пятном на ее совести. Ведь известна же истина, что интеллигенция — душа и мозг нации. Она должна стоять на страже интересов народа, а не отдельных его руководителей. Честность — величина постоянная, а не изменяющаяся от времени и ситуации.

Российская интеллигенция потому и была почитаема в нашем обществе, что она проповедовала свои идеи, убеждения вопреки официальной идеологии, вопреки властям. Гонения и страдания были платой за ее беззаветную защиту правды и справедливости. Но она жила. Ее голос даже через глухие стены звучал, а народ тонко улавливал его.

Понимаю, что нельзя и недопустимо подходить обобщенно к этому щепетильному вопросу, затрагивающему честь людей. Многие из них имели и сохраняют свои убеждения независимо от времени и политического климата. Этих людей надо уважать.

Перед моими глазами чередой проходят те, кто три-четыре года назад яростно критиковал Правительство Рыжкова. Я не виню никого из не согласных с политикой Правительства, видевших иные пути развития экономики, по-своему представлявших исторические судьбы государст-

ва. В этом нет ничего предосудительного. Если человек верит в свою правоту и искренен в своих убеждениях — честь и хвала ему. Теперь немало тогдашних наших критиков изменило свои взгляды под воздействием реальной жизни. Не будем их упрекать. Они поступали и поступают честно в отношении себя и своего Отечества. Не хочу перегружать мои рассуждения цитатами, но тем не менее не могу не сослаться на Д. С. Лихачева (да простится ему его подпись в числе 42-х): «Человек должен иметь право менять свои убеждения по серьезным причинам нравственного порядка. Если он меняет убеждения по соображениям выгоды — это высшая безнравственность».

А именно этим последним и отличаются приспособленцы и предатели, которые сначала очерняли все по заказу, а сейчас по заказу же черное красят в белое. Трудно надеяться на то, что это будет забыто: память об Иуде живет уже две тысячи лет.

Время и нравственность — великие философские понятия. Каждый из нас несет в душе отпечаток своей эпохи, своих мыслей и целей. Да и каждая эпоха имеет свое нравственное начало. Наиболее полно нравственность общества, эпохи выражает интеллигенция.

В нашей стране интеллигенты всегда составляли особый общественный слой, которому были присущи бескорыстие, преданность идеалам, обостренное нравственное чувство. Именно в России поэт — больше чем поэт, и артист тоже не только профессия, а некая величина, чье значение выходит далеко за рамки искусства, это носитель и выразитель общественных идеалов.

Сейчас у нас сформировалась определенная группа интеллектуалов, как правило, из бывших руководящих работников, которые занимаются тем, что с упоением копаются в помойках прошлого. По этому поводу один видный французский журналист с недоумением как-то сказал: «Конечно, нужно делать генеральную уборку после эпохи застоя. Конечно, нужно вытряхивать коврик, но почему вы все время его трясете себе на голову?» И он прав — наступил период мазохизма, самоистязания, самопоедания.

Никто не забывает о том, что в нашей истории были глубоко трагические годы. Но из этого нельзя делать вывод, что у нас не было ничего примечательного, прогрессивного, на что с восхищением взирал остальной мир. Между тем замарывается все положительное в жизни страны, вычеркиваются три поколения людей, отдавших ей свои силы и

жизнь. Жаль, что некоторые известные интеллектуалы нашего общества не смогли или не захотели разобраться в истинном положении дел.

Я прекрасно помню встречи с творческой элитой, их страстные речи на съездах, сессиях и пленумах. Они говорили неприятное, горькое для властей, не считаясь ни с какими авторитетами. Они бились против любой диктатуры вождей. Сейчас же они призывают вернуться назад. Когда они говорили правду — тогда или сейчас? Думать об этом больно и горько, тем более когда хорошо знаешь этих людей.

В нашем государстве, как, наверное, ни в одном другом, должны уживаться различные политические воззрения, национальные традиции, вероисповедания, но для этого необходимы прочное духовное единство, объединяющие всех нас принципы, должна быть некая генеральная идея. Если же общество раздирают непримиримые противоречия, если различные противостояния его членов, составных его частей искусственно разжигаются, прежде всего именно усилиями части интеллигенции, то трудно ожидать мира, благополучия и благоденствия. И уж если развалили мощное государство, в подготовке чего вольно или невольно большую роль сыграли и некоторые «властители дум», то сейчас надо сделать все возможное для предотвращения распада России, вывода ее из экономического и правового хаоса, предотвращения гражданской войны.

Вот в таком духовном единении перед грозной опасностью я и вижу главную сегодня задачу нашей интеллигенции. Именно от нее в огромной мере зависит сейчас будущее страны. Ибо, как справедливо сказал один из российских философов, «только в духовном опыте просвещенной части общества вырабатываются идейные основы государственности».

А закончить свои мысли в этой главе о роли интеллигенции в обществе хотел бы предсмертными стихами замечательной, благородной женщины Юлии Друниной. Уходя из жизни, она, видя разор и раздор в нашей стране, думала о чести и нравственности людей, особенно тех, которые в силу своего таланта влияют на умы человеческие:

Разве гордость дешевле опалы?
А холуйство — спасательный круг?
Я устала, я очень устала
От того, что сдаются вокруг.

Она выбрала свой горький путь, потому что у нее было обостренное чувство чести и достоинства, а предательское уничтожение страны она воспринимала как свою личную непоправимую трагедию.

Действительно, в череде известных истории предательств не было большего, поистине вселенского по своим последствиям масштаба, чем развал Советского Союза. Пройдут века, но разрушение великого государства, роль его погубителей будут всегда предметом анализа грядущими поколениями. И чем дальше мы уходим от этой роковой даты, тем яснее становится, что объективных причин для содеянного величайшего в истории человечества преступления не было.

Просматривая предыдущие главы, я невольно обратил внимание на тесное переплетение в них экономических, социальных, политических и нравственных проблем. Мне даже показалось сначала, что это может быть воспринято кем-то из читателей как недостаток книги. Но затем я понял, что иначе я и думать, и писать просто не мог, потому что так и именно так в принципе обстояло дело в нашем разрушенном теперь обществе и, в частности, в работе возглавлявшегося мной Правительства. Не буду изменять этой традиции и введу в, казалось бы, посвященную только духовному состоянию людей главу некоторые экономические и социологические факты и размышления. Думаю, что они тоже приведут нас — автора и читателя — к каким-то выводам о времени и царящих в нем нравах.

Итак, любая система управления, в том числе и государственная, требует постоянного совершенствования с учетом многочисленных факторов, влияющих на жизнь общества, и задач, которые предстоит решать стране в ближайшей и более отдаленной перспективе. С первых шагов перестройки было очевидно, что новая ситуация требует активных и серьезных изменений во всей системе управления и, может быть, в первую очередь во взаимоотношениях регионов (республик и областей) и Центра, начиная с их экономических связей. Пока была жесткая партийная дисциплина, существовавшие противоречия гасились. Но КПСС стремительно избавлялась от несвойственных для нее функций, а государственные институты управления не успевали брать на себя эти обязанности. Под угрозу ставилось единство экономического комплекса, взаимоотношения союзных республик да и целостность страны.

Толчок к развалу страны дали прибалтийские республики уже на Первом съезде народных депутатов. С самого начала его работы, как и на последующих съездах, на заседаниях Верховного Совета СССР значительная часть депутатов от этих республик делала всевозможные шаги для выхода их государств из состава СССР. Каждый обсуждаемый вопрос, если в него можно было хоть как-то вставить эту проблему, немедленно ими использовался. Телезрители могли видеть этих людей, их лица, их неприязнь к Союзу.

Находясь в гуще столкновений, я часто спрашивал себя: во имя чего мы, представители великого государства, терпели такое унижение от кучки политиканов-националистов? И хотя было понятно, что так называемое их национальное самосознание при определенных условиях выльется в ярый национализм, я все же не мог представить себе в полном объеме всего, что потом там произошло.

В те месяцы было несколько принципиальных вопросов, которые особенно тревожили наше Правительство. В этих республиках, особенно в Эстонии и Латвии, проживало много русских и представителей других национальностей. Было очевидно, что в случае выхода прибалтийских государств из Союза они окажутся в очень тяжелом положении.

Не меньшее беспокойство вызывали наши будущие экономические отношения. Полувековая интеграция не могла не сказаться на функционировании экономики этих республик и Союза в целом. И, конечно, как глава Правительства, я обязан был думать об обороноспособности своей страны. Ведь Прибалтика была передним рубжом нашего государства.

Мне было поручено на том этапе возглавить переговоры по «бракоразводному» процессу с Литвой. Тягостное впечатление осталось от этих встреч, особенно от бесед с главой делегации В. Ландсбергисом. Не понимающий азов экономики, государственного устройства, начиненный стереотипными фразами, он производил гнетущее впечатление. Сидя напротив него, я задавался вопросом, что же выдвинуло этого человека в лидеры нации? Чего ждет она от него, когда пройдет националистический угар?

Между тем наши идеологические вожди — А. Яковлев, В. Медведев и другие — успокаивали Политбюро и Президента страны, утверждая, что «процесс» идет правильно, что это есть не что иное, как углубление и развитие перестройки и т. д. Впрочем, и сам Президент, в том числе во время пребывания в Прибалтике, своей бездарной, не-

умной политикой только способствовал укреплению взятой тамошними лидерами линии на выход из Союза.

Известно, что, когда рушится общественный порядок, когда процветает хаос, власть получают демагоги. Так случилось и в Прибалтике. Прошло всего несколько лет, и мы уже видим, что делается в этих государствах. Найдутся ли в нынешнем мире другие страны с подобными дискриминационными законами по национальному признаку? Вряд ли. За чертой политической, экономической, общественной жизни остались сотни тысяч человек из «некоренного» населения. Мир наверняка взорвался бы в крике, если бы подобные законы были приняты в СССР...

И все же смертельный удар по целостности государства нанесли Ельцин и депутатский корпус Российской Федерации. 12 июня 1990 года ими был принят закон о суверенитете России. Если бы речь шла о расширении ее прав, то, думаю, противников этого в обществе не было бы. Но конкретное наполнение этого акта сразу же проявило его истинное предназначение. Особенно разрушительными были положения о верховенстве законов республики над союзными, об изменениях в налоговой системе, финансовых отношениях с Союзом и т. д. Суверенитет был просто использован как рычаг в борьбе беспринципных честолюбцев за политическую власть в стране. А народные депутаты России оказали им неоценимую услугу. Более того, не сумев или не захотев просчитать будущие последствия этой акции, они создали условия для разрушения Советского Союза, националистических брожений в самой России, уготовили собственный трагический конец в сентябре—октябре 93 года.

Естественно, что другие союзные республики, вслед за Россией, немедленно подхватили идею суверенитета в том виде, в каком они себе ее представляли. Страна разрушалась на глазах. Поведение Горбачева перед лицом реальных событий окончательно показало его полную беспомощность как руководителя государства. Он мог купаться в потоке своих речей и громких слов, терзаться безудержным зудом непродуманного реформаторства, но он был просто не способен серьезно и взвешенно руководить великим государством. Его выход на вершину власти — трагедия нашего народа, но, к сожалению, мы все слишком поздно это поняли.

Тринадцатого июня 90 года рано утром я провожал премьер-министра М. Тэтчер в аэропорт. Она находилась в нашей стране с визитом и из Москвы вылетала на открытие

школы, построенной Англией в разрушенном Ленинакане, в Армении.

Не успели сесть в машину, как она начала разговор:

— Господин Рыжков, я вчера вечером узнала из вашего телевидения, что российский парламент принял закон о суверенитете и самое главное — о верховенстве их законов над федеральными. Вы в курсе дела? Как вы к этому относитесь?

— Да, конечно, в курсе, — отвечаю я, — можно согласиться с самим понятием «суверенитета», так как Россия практически имела меньше прав, нежели другие республики Союза. Но никак нельзя оправдать его наполнение — верховенство республиканских законов над союзными. Это — начало разрушения единого государства. Оно не сможет в таких условиях функционировать, так как за Россией немедленно сделают то же другие республики.

Вот такой разговор произошел через несколько часов после принятия закона. Даже ей, со стороны, было ясно: произошло нечто недопустимое для единого государства, и она примеряла эти события на свою страну. И высказала, на мой взгляд, правильные мысли. К слову, маленький штрих, смахивающий, скорее, на политический анекдот: через три года, к тому времени баронесса, Тэтчер, находясь в России, предложила для ускорения реформ ни мало ни много — распустить наш парламент. Попробовал бы я, например, поехать в Англию, а статус у нас сейчас тоже один: мы — экс-премьеры, и предложить там немедленно распустить их парламент, так как они плохо себя ведут, ругаются, кричат и даже дерутся. Интересно, что было бы?..

Год назад у нас вышла в свет книга «Федералист», содержащая статьи отцов-основателей США. Я был поражен тем, что многие положения, против которых выступали эти великие американцы в конце XVIII века, через двести лет, в конце XX века, взяли на вооружение наши государственные горе-реформаторы — Ельцин, Шахрай, Бурбулис и им подобные. Все штаты в 70-х годах XVIII века провозгласили суверенитет, верховенство своих законов. «Центр» получал средства от сборов налогов только от властей штатов. Федеральная казна была пуста, страна не могла содержать даже минимальные армию и флот. Суверенитет штатов быстро создал катастрофическое положение в народном хозяйстве, были задушены торговля, предпринимательство, в стране воцарился экономический хаос, народ

бессовестно обирали, а ловкачи сколачивали огромные состояния. Богачи богатели, бедняки впадали в нищету.

Разве не ту же картину наблюдаем мы сейчас в России? И методы, и результаты те же!

В некоторых главах я подробно останавливался на программах перехода на рыночные отношения. Но фактически в этих экономических концепциях содержалась и определенная политика. В программе «500 дней» не было ни слова о едином государстве — СССР. Говорилось только об экономическом союзе. И в этом состоял первый принципиальный пункт разногласий союзного Правительства с руководством России. На встрече в «Сосенках» в августе 1990 года три часа прошли в бесплодных спорах с авторами этой программы и премьером России Силаевым. Убеждать, по моему разумению, можно лишь тех, кто умеет слушать и слышать. Мои собеседники не умели ни того, ни другого.

Я встал, сказал резко — и сегодня не корю себя за это:

— В ваших планах наряду с другими принципиальными вопросами вы забыли одну маленькую деталь — государство. У вас даже термина такого нет! Я не стану хоронить государство своими руками. Более того, буду бороться с вами, его могильщиками, до последних сил. Но даже если мне выпадет проиграть, то помните: пусть не завтра, не послезавтра, но вам придется нести ответственность за развал державы. Помяните мои слова...

Август 91-го дал мощные козыри сепаратистам. К тому же после Пятого съезда народных депутатов СССР роль парламента свелась к нулю. Вся власть была отдана вновь образованному органу — Государственному Совету СССР. Все это практически приближало страну к распаду.

В сентябре Государственный Совет принимает решение о выходе республик Прибалтики из СССР — без всяких условий и сколько-нибудь серьезных предварительных переговоров. А 25-го того же месяца Горбачев подписывает указы о руководителях союзных делегаций для переговоров с уже суверенными государствами: с Латвией — А. Яковлев, с Литвой — Э. Шеварднадзе, Эстонией — А. Собчак. Вот кто и должен ответить на многие вопросы наших взаимоотношений, в том числе и за нынешнее положение русских в этих «демократических» государствах.

Горбачев и его соратники, подписавшие 1 сентября 91-го «Заявление руководителей республик о порядке работы внеочередного Съезда народных депутатов СССР», вопреки подготовленной Верховным Советом повестке дня, несут

прямую ответственность за положение тех 25 миллионов русских, что оказались за совсем «непрозрачными» рубежами. Ведь во многих бывших республиках единой страны, ныне суверенных государствах, они подвергаются небывалой дискриминации.

Я не собираюсь излагать всю хронологию распада СССР. Скажу лишь, что полугодовая драма предательского развала многовекового государства закончилась в декабре 91-го. Беловежский сговор — черное, несмываемое пятно в истории Отечества. На роль инициаторов этого преступления публично претендовали Шахрай и Бурбулис. Но история сохранит прежде всего другие имена — тех, кто поставил свои подписи под роковым документом. Ельцин, Кравчук и Шушкевич останутся навеки именами нарицательными, символами человеческого и политического предательства. Правда, в этот перечень придется добавить еще одно имя-символ: Горбачев. Ведь он своими и действиями в одних случаях, и бездействием — в других, допустил этот сговор. Он палец о палец не ударил для того, чтобы исполнить свои конституционные функции. Кто, как не он, обязан был немедленно обратиться к своему народу и проинформировать весь мир о том, что ночью 8 декабря 1991 года произошел государственный переворот? Кто, как не он, должен был немедленно созвать Верховный Совет и Съезд народных депутатов СССР для обсуждения создавшегося положения в стране? Кто, как не он, мог тут же потребовать созыва Совета безопасности и рассмотрения в ООН ситуации в СССР? Ничего этого он не сделал! Почему? Ответа на эти вопросы нет. Пока нет...

10 декабря 91-го в депутатском корпусе на Новом Арбате на двадцатом этаже состоялся сбор подписей сторонников созыва Шестого внеочередного съезда народных депутатов СССР. Я тоже подписал этот документ. Как раз в это время организатору сбора подписей депутату В. И. Самарину позвонил Горбачев. Самарин при нас проинформировал Президента страны о том, что уже собрано достаточно подписей для созыва Съезда. Затем он торопливо собрал подписанные листы и выехал к Горбачеву. Мне известно, что он вручил ему списки подписей и телеграммы общим числом более 500 и получил личное президентское обещание созвать Съезд. Но этого, как известно, не произошло. Союзный Съезд в том же месяце был распущен... Верховным Советом РСФСР.

До сих пор бытует мнение, что Съезд народных депутатов

не имел права собираться, так как Пятый внеочередной съезд принял решение о его самороспуске, и якобы это остановило Горбачева. Должен внести в этот вопрос ясность. Да, действительно, в проекте Закона, вынесенного на обсуждение Пятого съезда, было следующее предложение: «Признается нецелесообразным проведение в переходный период съездов народных депутатов СССР». Однако этот абзац статьи шестой не прошел, и в принятом Законе его нет. Зато в этой статье остался первый абзац, где говорилось, что статус народных депутатов СССР сохраняется за всеми депутатами на срок их полномочий.

Исторической драмой рождения новой, как провозглашалось, демократии в нашей стране является то, что она утверждала себя через развал единого государства. Между тем Александр Солженицын предупреждал (увы — напрасно): спуститься с вершины тоталитаризма можно только с туго натянутыми вожжами. К сожалению, этой мысли никто не воспринял ни в перестроечные, ни тем более в постперестроечные времена, и СССР был уничтожен... И снова я сошлюсь на Юлию Друнину. Она всей душой радовалась поначалу вроде бы демократическим переменам в нашей стране. Но слишком многое остро тревожило ее. Приведу последние строки ее последнего стихотворения:

Но боюсь, что и Вы бессильны,
Потому выбираю смерть.
Как летит под откос Россия,
Не могу, не хочу смотреть!

Она не пережила гибели своей страны.

Значительная часть этой книги посвящается перестройке, умершей вместе с Советским Союзом. Сегодня и государства того нет, власть в котором с каждым годом все больше ускользала из рук Горбачева. Уходил он трудно. Политик, как балерина или певец, должен уметь уйти вовремя. Думается: спустись он по трапу самолета, прилетевшего из Крыма, из Фороса, возьми первый попавшийся микрофон и скажи миру, что уходит, поскольку не имеет морального права больше оставаться на своем посту, и не было бы бесчисленных унижений, когда поспешно появившиеся президенты республик, за малым исключением, заставляли его исполнять роль их марионетки. Словно бы мстили ему, получали наслаждение от его всенародного позора. Да и сам он, уходя, пытался, по своему обыкновению, привести

к какому-то компромиссу тех, кто из всех сил старался как раз избежать его. Предательство быстро, как пожар, охватило все властные структуры союзных республик.

Перестройка ушла в историю, оставив, безусловно, свой след в стране. Истоки положительных изменений в ней неразрывно связаны именно с перестройкой. Но многое, что задумывалось и выражено в тех семи постулатах, под которыми, как я уже говорил, готов подписаться и сегодня, оказалось неосуществленным. Более того, развитие событий пошло по совершенно другому пути.

О некоторых преданных идеях перестройки я и написал в этой главе. Но хуже всего другое, на мой взгляд, — предательство надежд народа. В свое время я неоднократно говорил своим коллегам по Совету Министров: самое страшное, что может быть, — это потеря людьми веры в свое будущее. Сейчас это произошло. Народ пассивен, смертельно устал, изверился. Плохо, когда идеология довлеет над всем и вся, но еще хуже, когда в обществе нет даже цели, признанной большинством населения. Без целей и перспектив любому народу выжить трудно, а может быть, и невозможно. Общество, народ становятся беззащитными.

Но нынешняя пассивность людей обманчива. Думаю, это спокойствие перед бурей. Идет стремительное расслоение общества: для одних, немногих, — волны Средиземного моря, для других, куда более многочисленных, — помойки в городах, прозябание в полупустых деревнях. Стране срочно нужны современные цели, идеалы, экономический и политический курс, которые будут поддержаны большинством народа. Это и спасет Россию.

А сейчас, когда я заканчиваю эту главу, на дворе лето 95-го. И за новые откровения выдается плохо упакованное идеологическое старье буржуазного общества. Его приверженцы клянутся в верности его ценностям. Только я по-прежнему читаю газеты, смотрю телевизор и замечаю, что история предательств отнюдь не окончена. Она пишется теми же, натянувшими на себя очередную личину людьми. И тот, кто предал раз, предаст опять и опять. Сказано же в Библии: единожды солгавши — кто тебе поверит...

Феномен предательства — предмет, достойный специального изучения учеными. Это страшное явление существует с незапамятных времен и вносит свой вклад в ход истории. И всегда в основе предательства лежат низменные чувства конкретных лиц, их корыстный интерес. Перестройка завершилась серией и личных предательств, когда от

дела отстранялись все, кто искренне верил в ее идеи. Не стану перечислять фамилии тех, кто начинал ее и кому не дали ее закончить, скажу лишь, что почти все ушли в политическое никуда. Я был первой жертвой предательства и первым, кто, уйдя добровольно в отставку, не стал тем самым участвовать в предательстве этих идей. За мной были и другие.

Не знаю, останется ли в нашей истории это постперестроечное время с названием «второе смутное время» или будет иное, более емкое определение. Последние наши годы во многом напоминают лихолетье начала XVII века. Тогда оно было остановлено Мининым и Пожарским, поднявшими и организовавшими народ на борьбу с ним. Горячо надеюсь, что и теперь найдутся действительно масштабные личности, за которыми пойдут все истинные патриоты Родины и спасут ее, подобно своим предкам, от предателей и проходимцев — доморощенных и пришлых.